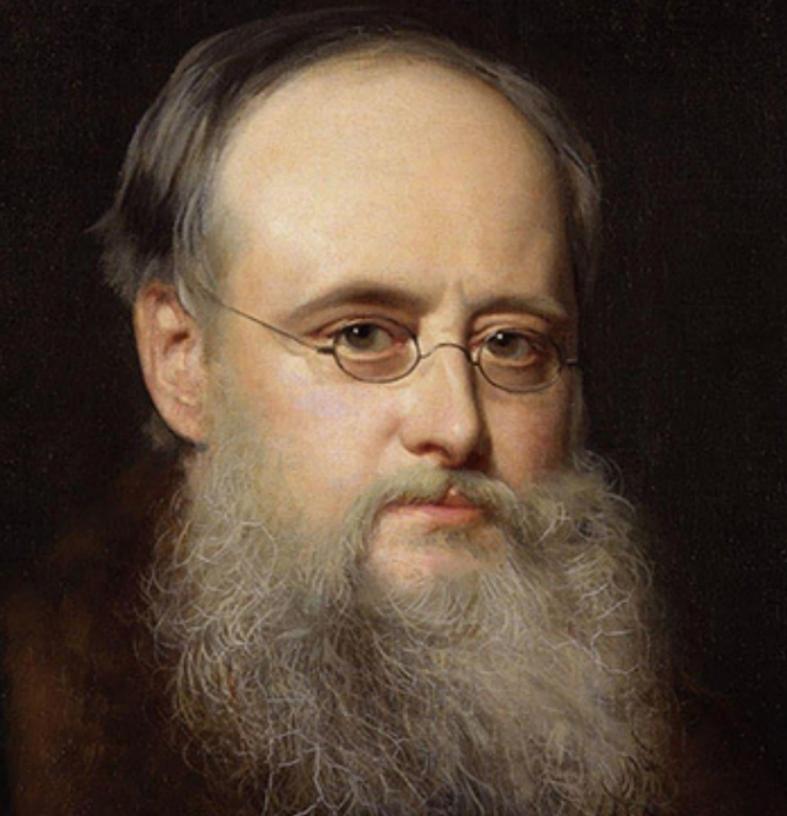

ПИТЕР АКРОЙД

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Уилки
Коллинз

ЛИМБУС ПРЕСС

Питер Акرويد Уилки Коллинз

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67764392

Питер Акرويد. Уилки Коллинз: Лимбус Пресс; СПб; 2022

ISBN 978-5-8370-0886-3

Аннотация

Биографические работы известного британского романиста и филолога Питера Акроида неизменно пользуются успехом у российских читателей. Что касается предмета его биографического исследования – писателя Уилки Коллинза, – то этот автор давно стал частью отечественной литературной картины мира, ведь «Лунный камень» и «Женщина в белом» еще с 1970-х годов служили украшением домашних библиотек. Акرويد рассказывает о жизни Уилки Коллинза, его дружбе и сотрудничестве с Диккенсом, путешествиях, книгах – и одновременно рисует многоплановую картину жизни викторианской Англии.

На русском языке книга публикуется впервые.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие переводчика	5
Пресса о книге	7
1	8
2	15
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Питер Акройд

Уилки Коллинз

© Peter Ackroyd, 2012

© ООО «Издательство К. Тублина», 2021

© А. Веселов, оформление, 2021

Предисловие переводчика

Биографии британских и, шире, англоязычных литераторов и интеллектуалов разных веков, написанные филологом и романистом Питером Акройдом, давно пользуются заслуженной известностью. Их можно условно разделить на две группы по формату. Одни – большие, обстоятельные, подробные. Это изданные в России биографии Шекспира, Блейка, Диккенса. Другие – краткие, более популярные, представляющие общий абрис «героя». На русском языке выходили небольшие книги о Чосере, Эдгаре По, Ньюто-не. Биография Уилки Коллинза относится ко второй категории. Однако эта книга тесно переплетается с подробной биографией Диккенса – друга и даже соавтора Коллинза, с биографией Лондона – города, определяющего все самое ужасное и увлекательное, радостное и печальное в жизни Коллинза, служившего для него источником вдохновения. Коллинз, как и Диккенс, для Питера Акройда особый автор. Акройд явно чувствует и последовательно выстраивает свою преемственность с ними как с «лондонскими сочинителями».

Краткая и при этом достаточно подробная биография Уилки Коллинза традиционна по форме: генеалогия, семейная среда, учеба, дружеский круг, первые шаги на литературном поприще, рождение шедевров, личная жизнь, смерть. Но этим простым рядом содержание книги не исчерпывает-

ся, ведь для Питера Акройда каждое мгновение скромной и тихой жизни милого, болезненного и обаятельного Уилки, вольнодумного писателя, неутомимого рассказчика, театра-ла, поборника свободы женщин, остроумного и невероятно трудолюбивого, становится поводом для разговора о стране и мире, литературных жанрах, путешествиях по миру, науке и суевериях. И любая глава – это маленькое приключение, в ходе которого реальность превращается в историю, роман, пьесу, настоящую сказку.

Это веселая и обаятельная история про маленького великого человека.

Ольга Чумичева

Пресса о книге

Акройд так рассказывает про Уилки Коллинза и его книги, что хочется немедленно перечитать два главных его шедевра, а затем отыскать менее известные и еще не прочитанные. Именно в этом и состоит цель биографии литератора – направить нас к его произведениям.

The Independent

Создавая портрет обаятельного человека, окруженного друзьями из числа ведущих художников, писателей и музыкантов того времени, Акройд весьма комфортно чувствует себя в викторианской Англии и испытывает искреннюю симпатию к своему герою. Ему удастся почти невозможное – вывести Коллинза из тени Диккенса.

The New York Times Book Review

Акройд говорит о Коллинзе: «Он упивался фактами и с восторгом оживлял их в своих романах», – но то же самое можно сказать и о самом Акройде.

Publishers Weekly

1

Омни

Своеобразная внешность мистера Уилки Коллинза обеспечила ему прозвище Омни из-за некоторого сходства с омнибусом. Пять футов шесть дюймов¹ – не особенно высокий рост даже для 1850-х и 1860-х. Голова выглядела слишком крупной для его тела, руки и ноги чересчур короткими, а ладони и ступни маленькими, их называли «более подходящими для женщины». С правой стороны лба выступала здоровенная шишка – результат осложнений при рождении; ее иногда определяли как «отек лобной кости».

Он всегда знал о своей странности и говорил, что в его случае природа оказалась «скверным художником»; он считал, что высоко поднятые плечи и в целом широкое тело «не соответствовали по всем пропорциям» его крупной интеллектуальной голове. Он был ужасно близорук, всегда носил очки. После тридцати отрастил бороду, чтобы придать лицу столь необходимую симметрию. В своих сочинениях он часто привлекает внимание читателей к физическим аномалиям, которые служат ключом к пониманию характера того или иного персонажа; он интересовался тем, что в его годы называлось наукой о физиогномике, но упоминал также эпилеп-

¹ В метрической системе примерно 176 см. – Здесь и далее – *примеч. пер.*

сию, нарушения развития позвоночника, деформации лица и паралич конечностей.

Друг Коллинза, Холман Хант, оставил описание его манеры поведения. Приветствуя гостя, он раскачивался вперед-назад, обхватив колени, и «спрашивал с глубокой озабоченностью о том, откуда вы только что прибыли». Упоминали и характерное для него «нервное подрагивание коленей, словно он укачивал невидимого младенца». Он не мог спокойно стоять на месте. Чувствуя приближение приступа подагры, которой он был подвержен на протяжении почти всей жизни, «беспокойно шаркал ступней по полу». Однако в моменты расслабленности лицо его приобретало мечтательное и задумчивое выражение; во время разговора сверкающие глаза сквозь очки в золотой оправе буквально впивались в собеседника.

Как и многие его современники, он любил яркую одежду, словно участвуя в великой драме жизни в какой-то особой роли. Его доктор, Фрэнк Берд, отмечал, что Коллинз мог явиться к ужину «в светлом костюме из твида или верблюжьей шерсти, свободной розовой или голубой рубашке в полоску и, скажем, с красным галстуком». На фотографии, сделанной в Нью-Йорке во время тура с чтением романов, писатель запечатлен в лохматой шубе. Есть свидетельства, что он носил «льняную рубашку, усеянную крупными красновато-бурыми квадратами, с низким вырезом, дополненную причудливо завязанным пестрым шарфом» в сочетании с яр-

ко-голубым пиджаком и жилетом. У него был целый спектр галстуков, полосатых и в горошек. Уже перевалив за пятьдесят, он однажды отправился на прогулку по Лондону в элегантном пальто, какие обычно носили молодые люди, и услышал, как некая женщина сказала своему спутнику: «Только подумать: взрослый мужчина надевает такое пальто – в его то годы!» Однако дома он предпочитал с комфортом работать в ночной рубашке.

Он был известен своим дружелюбием и привычно хорошим расположением духа; вероятно, обладал наилучшим характером среди всех викторианских романистов. Он не отличался жесткостью и энергией Чарлза Диккенса; у него не было задумчивого и величественного облика Джордж Элиот. Как отметил один из его приятелей, он был «меньше склонен к позерству, чем кто-либо»; он был добрым и доступным в общении. У него не было «потаенных граней», и, кажется, женщины обожали его за лукавый юмор и непринужденное обаяние. Он располагал к себе мужчин веселостью и тем, что называли «юношеской жизнерадостностью». Он сам говорил о себе, что солидность не является частью его натуры. К нему можно применить характеристику, данную им же одному из персонажей: тот, «кому при знакомстве все пожимают руку, но никто не кланяется». Он всем был известен как Уилки – не Коллинз или мистер Коллинз.

Новое транспортное средство, омнибус, получило название от латинского «омни» (дословно – «всем»), потому что

было доступно для всех, его демократичность можно считать предвестием актов о парламентской реформе 1867 и 1870 годов². Коллинзу нравились поездки на омнибусе, он любил погружаться в среду, которую считал более «современной», чем «идеальной». По соседству с его домом пролегали маршруты омнибуса от паба «Йоркшир Стинго» в районе Паддингтон до Банка Англии, по Нью-роуд (сегодня Мэрилебун-роуд), Сомерс-таун и Сити-роуд.

Это был не такой уж дешевый вид транспорта – шиллинг за полный билет, зато в нем бесплатно можно было читать газеты и журналы. Салон вмещал двадцать два пассажира, и Коллинз как-то написал, что «омнибус всегда представляет собой передвижную выставку эксцентричности человеческой натуры»; Уилки нравилось пристально изучать «совершенно разные способы забираться в экипаж и занимать в нем места, и каждый такой способ что-то сообщал о человеке». Он встречал там модную молодую даму в ярком кринолине, банкира в строгом черном костюме и цилиндре. В один из дней он замечал тучного джентльмена в белом галстуке, а в другой – человека с зеленой сумкой, потертого жизнью, но старающегося выглядеть прилично. Он мог подметить, как тучный джентльмен указывает зонтиком кэду, кондуктору, на некое нарушение правил. Он наблюдал за встревоженными

² Так называемая Вторая парламентская реформа, распространившая избирательное право на владельцев или съемщиков жилья, за которое платили не меньше 10 фунтов в год, что включало квалифицированных рабочих и ремесленников, значительно расширяя круг избирателей.

ми, нервными, измученными и нездоровыми горожанами. В одном из его романов, «Бэзил»³, молодой человек безнадежно влюбляется в девушку, случайно увидев ее в омни.

Кто-то из рецензентов охарактеризовал сочинения Коллинза как «битком набитые» случайными событиями, «словно омнибус пассажирами в дождливый день». Благополучно устроившись на сиденье, Уилки мог подслушать как характерные, так и довольно новые для тех лет лондонские обороты речи. «Это ошеломило меня. Я буквально измочален. Я сражен наповал. У меня ум за разум заходит. Ему хватит ума полюбить лимонад. Он с тараканами в голове. Это бы его немного встряхнуло. Уплетать за обе щеки. Пока-пока, сержант».

Он наизусть знал маршрут паддингтонского омнибуса, поскольку значительную часть жизни прожил неподалеку от Нью-роуд. Как большинство людей того времени, он держался хорошо знакомого ему района. Лондонцы обладают интуитивным чувством своей территории, они знают, где в городе сухой участок, а где сыро, где дуют ветра, а где душновато, они разбираются, в каком квартале климат здоровый, а где легко подхватить болезни.

Помимо нескольких лет в детстве, Коллинз жил на небольшом участке, ограниченном Оксфорд-стрит с юга и Риджентс-парком с севера, западная граница пролегла по Эджвер-роуд, а восточная была образована Грейт-

³ В русском переводе роман «Бэзил» называется «Тайный брак».

Портленд-стрит. Во многих его произведениях можно найти сцены из жизни именно этого района по соседству с Риджентс-парком, служившим центром притяжения для окрестных жителей. На самом деле Мэрилебоун был одной из наиболее уважаемых и в то же время самых мрачных частей Лондона. Подчеркнуто буржуазные дома из красного кирпича или со штукатурным декором вытянулись рядами вдоль строго прочерченных улиц. И все же Коллинз, как никто другой, чувствовал, что за пристойным фасадом из кирпича и штукатурки таятся причудливые преступления и темные страсти.

Среди наиболее сенсационных преступлений 1860-х были мошенничество, шантаж и отравления – преступления, совершаемые втайне или под прикрытием благопристойного облика, и именно они привлекали внимание Коллинза. Томас Харди говорил, что самые успешные сочинения того времени включали «убийство, шантаж, незаконное происхождение, подмену личности, подслушивание, многочисленные секреты, предполагаемое двоеженство, а также действия детективов – профессионалов и любителей». И это предельно точное описание сюжетных ходов Уилки Коллинза. В романе «Женщина в белом» он формулирует главный вдохновляющий принцип: «Идея, скрытая под поверхностью». В процессе работы он создавал хрупкий мир, в котором царит нервное напряжение, кажущаяся обыденность скрывает целые скопления тайн и странных, болезненных отношений.

Это был мир неопределенных, порой фальшивых идентичностей, сексуальных и социальных, мир, в котором никто не чувствовал себя в безопасности. Это был мир Лондона.

2

Семья

Он появился на свет в районе Мэрилебоун 8 января 1824 года, местом рождения был дом на Нью-Кавендиш-стрит, и тридцать пять лет спустя он вернулся на эту улицу – уже не с родителями, а с женщиной, которая стала спутницей его жизни. Его крестили в приходской церкви Сент-Мэрилебоун под именем Уильям Уилки Коллинз, и в детстве его звали Уилли. Его крестный отец, художник сэра Дэвид Уилки, заглянул в глаза младенца и порашил его родителей неожиданным восклицанием: «Он видит!» Как говорил позже сам Коллинз, сэра Дэвид Уилки чаще имел дело со щенками и котятками, чем с новорожденными людьми, и предполагал, что дети тоже рождаются слепыми.

Дом на Нью-Кавендиш-стрит семья делила с бабушкой и дядей по отцовской линии; а поскольку викторианцы были одержимы теориями по поводу наследственности и приобретенных качеств, вероятно, и нам стоит познакомиться с предками Коллинза, отыскав в них предпосылки его артистического дарования. Считается, что писатель происходил от Сэмюэля Коллинза, анатома XVII века, из того же клана, что и некогда известный поэт XVIII века Уильям Коллинз. Больше известен дед по отцу, Уильям Коллинз – старший,

уроженец графства Уиклоу, который, как многие другие молодые, исполненные надежд ирландцы, отправился в Лондон на поиски удачи; он воображал себя поэтом наподобие предполагаемого знаменитого предка, но вынужден был избрать более прозаический образ жизни реставратора и торговца картинами, обосновавшись на Болсовер-стрит в районе Мэрилебоун. Гораздо позднее на этой улице его внук, писатель Уилки Коллинз, поселит свою вторую спутницу жизни. По-немногу формировалась сеть лондонских адресов, привычных для разных поколений Коллинзов.

Согласно рассказам внука, Уильям Коллинз – старший не был обескуражен относительным недостатком успеха. Он писал «статьи в журналы, песни, проходные пьесы», проповеди и даже один политический памфлет. Однако его самым значительным произведением стало повествование о путешествиях и приключениях украденных полотен. «Мемуары картины» Уильяма Коллинза – деда – это не слишком связная авантюрная история из мира воров и изготовителей подделок, которая явно нравилась Уилки Коллинзу. Отсюда он заимствовал описание среды фальсификаторов искусства для романа «История плута».

И все же старший Уильям Коллинз так и не смог избавиться от того, что его внук называл «материальными затруднениями», и семья Коллинз существовала, никогда не забывая о маячившем рядом призраке нищеты. Коллинз-старший умер в 1812 году, ничего не оставив жене и двум сыно-

вьям; миссис Коллинз пришлось продавать мебель и домашние вещи, питание семьи стало «крайне скудным», а столом служил старый ящик. Это бедственное положение побудило Уильяма Коллинза – младшего (отца писателя) зарабатывать на хлеб тяжким трудом «художника на разовых заработках», не имевшего постоянного заказчика и твердого дохода. Вероятно, это послужило причиной финансовой осторожности и даже скуповатости нашего героя, Уилки Коллинза. Знакомые не раз подмечали его склонность мелочно торговаться с официантами и водителями кэбов.

На момент смерти родителя Уильяму Коллинзу – младшему, отцу Уилки Коллинза, исполнилось двадцать три года. Пятью годами ранее его приняли в школу при Королевской академии, он уже заслужил репутацию пейзажиста, представив свои работы на летней выставке академии. Но после смерти отца вынужден был поддерживать брата и мать; благоразумие и усердие помогали ему мало-помалу прокладывать путь к финансовой стабильности и более уважаемому положению в обществе. В те годы молодой художник Коллинз записал в дневнике: «Поскольку невозможно подняться в мире без связей, я должен такие связи обрести». Он искал богатых и влиятельных покровителей; он стал образцом солидности и надежности; он был пламенным христианином, которого возмущало, что сосед в воскресный день занимается садовыми работами, например креплением к стене нектариновых деревьев. Тревога за свое общественное поло-

жение и профессиональный успех никогда не покидала его; в ту эпоху слишком легко было «сломаться» и пойти на дно. Выход был в трудолюбии, преданности делу и непрестанной тяжелой работе. По крайней мере в этом отношении его сын Уилки последовал примеру отца.

Первоначально Уильям Коллинз – младший заслужил репутацию картиной «Продажа ручного ягненка», нежной и гармоничной версией того, что в реальной жизни было весьма печальной ситуацией, ведь ягненка продавали мяснику. Как ни странно, эту эмоциональную сцену следовало понимать не как подготовку к забою животного, а как сельскую идиллию, именно мягкого этого эффекта добивался художник, а его сын позднее называл это «простым и трогательным величием». Такое «умягчающее сердца» настроение определяло характерную тональность живописных произведений Уильяма Коллинза, в которых сочетались сентиментальность и натурализм.

Названия его картин во многом дополняют театральный и нарочито салонный эффект самой живописи, отражают удивительную способность викторианской публики скрывать и словноне замечать наименее приятные стороны английской жизни. «Погребение любимой птички», «Сельские дети», «Мыльные пузыри» и «Обманутые котята» – эти сюжеты не имеют ничего общего с реально существовавшим вокруг миром социальных проблем и массовых протестов граждан, обеспокоенных политическими неурядицами и экономиче-

ским кризисом. В воспоминаниях об отце Уилки Коллинз отмечает: он никогда не изображал «жестоких несчастий» или «грубых раздоров», составлявших часть жизни, вместо этого предпочитая писать милые картины пасторального быта и виды природы, всегда «чистой» и «умиротворенной».

В 1821 году, когда доходы и репутация его упрочились, Уильям Коллинз сделал предложение Хэрриет Джеддес. Они познакомились семью годами ранее, на балу в Солсбери, но бедствующий молодой художник тогда не был готов содержать семью. Хэрриет Джеддес сама была из артистической среды. Ее сестра Маргарет была мастеровитой и популярной художницей, на протяжении жизни она представила публике сто сорок семь своих картин на традиционных выставках в Королевской академии живописи. У Хэрриет тоже были амбиции – она хотела пойти на сцену, но в те времена это, в отличие от живописи, считалось недостаточно уважаемым занятием. Вместо этого она стала гувернанткой, но затем оставила место и осенью 1822 года вышла замуж за отца нашего героя, обвенчавшись с ним в Английской епископальной капелле в Эдинбурге. Коллинзы поженились в Шотландии из-за сложностей, связанных с только что принятым так называемым Брачным актом⁴, вступившим в силу в Англии; документ призван был «надежнее препятствовать

⁴ Брачный акт был законом, введшим целый ряд сложных бюрократических процедур, в том числе долгий срок ожидания брака, публичные предварительные уведомления о предстоящем браке в газетах, письменное согласие родителей и/или опекунов и многое другое.

тайным бракам», однако текст отличался крайней неопределенностью, и через несколько лет закон был отменен. Уилки Коллинз появился на свет через шестнадцать месяцев после венчания родителей.

Позднее он писал: мать была «женщиной замечательного ума и культуры» и помогла сыну развить в полной мере «все те задатки поэзии и воображения, которые уже заключались в моей природе». В другой раз он говорил, что унаследовал материнский «дух». Без сомнения, Хэрриет была общительной и остроумной, обладала тем независимым нравом, который ее сын, ставший писателем, подарил своим любимым героиням. Жизнь гувернантки он описал в одном из романов, «Без права на наследство»: «Она производила впечатление женщины, способной поставить на место любых родителей в Англии, если бы они решились не ценить ее по достоинству»⁵. Одна из дочерей Чарлза Диккенса описывала Хэрриет в её поздние годы как «женщину великого ума и чувства юмора – но истинную дьяволицу!». Кейт Диккенс известна своими острыми и не слишком доброжелательными характеристиками людей – как-то раз она охарактеризовала самого Уилки как человека «настолько плохого, насколько это возможно», поскольку он жил с женщиной вне брака. Так что ее слова о Хэрриет могут означать всего лишь то, что миссис Коллинз могла в разговоре едко пошутить или достаточно жестко парировать неделикатное замечание собеседника.

⁵ Здесь и далее, если не указано иное, перевод Ольги Чумичевой.

На второй год семейной жизни Коллинзы-младшие провели лето и осень в коттедже в Хендоне, вскоре после возвращения, весной 1826 года, они переехали с Понд-стрит на Нью-Кавендиш-стрит, неподалеку от парка Хэмпстед-Грин. Это был второй в ряду небольших домов, сбегаящих вниз по холму, в наши дни на этом месте расположена Королевская бесплатная больница. Хэмпстед стал для Коллинза священным местом. Именно он служит декорациями, на фоне которых впервые появляется «женщина в белом» – на пересечении Финчли-роуд с Вест-Энд-лейн и Фрогнал-лейн; во времена детства Коллинза это была деревня посреди полей. Писатель вспоминал, что его отец был «окружен одними из самых красивых и разнообразных пейзажей, которые только может предоставить Англия». В начале 1828 года семья увеличилась: родился младший сын, Чарльз Олстон Коллинз.

Сам Уилки Коллинз оценивал свое детство как непримечательное, но счастливое. «Передай Уилли, – писал супруге его отец, – что сегодня я нашел для него две симпатичные кости каракатицы». Уильям Коллинз рисовал маленького сына, запечатлев его нервные и тонкие черты, слегка выступающий лоб. Писатель вспоминал, как сидел на коленях крестного, сэра Дэвида Уилки, наблюдая за тем, как тот рисует кошек, собак и лошадей. Мальчик катался на коньках с младшим братом, насчитывая в среднем по тридцать падений за один выход на лед.

Они по-семейному отмечали праздники. Летом 1829 года

отправились на шесть недель в Булонь в надежде, что смена климата поможет восстановить здоровье захворавшей бабушки. Они сняли дом на рыночной площади, из окна Уильям Коллинз зарисовывал наиболее живописные эпизоды из повседневной жизни французских крестьян. Именно там мальчику рассказали мелодраматическую историю, которая произвела сильнейшее впечатление на его живое воображение. Годы спустя он вспоминал это предание: некий булонский рыбак спас чернокожего моряка во время кораблекрушения. Пострадавшему африканцу запретили входить в любой из домов в Булони из-за ограничений, связанных с карантинном, и рыбак-спаситель ночами ложился рядом с моряком прямо на улице, «пытаясь передать умирающему негру часть жизненного тепла своего тела». К несчастью, его усилия не имели успеха и спасенный в море умер от простуды.

В начале осени Коллинзы перебрались в Рэмсгейт. На этот курорт Уилки будет не раз возвращаться на протяжении всей своей жизни. В годы его детства там не было ничего, кроме моря, но море завораживало Коллинза своей страстью, на пыльных улицах Лондона он тосковал по нему, и редкий год обходился без поездки в Бродстэрс или Рэмсгейт – или даже дальше, в Корнуолл или на остров Мэн.

Вскоре семья переехала в дом побольше на площади Хэмпстед, но годом позже, в 1830-м, перебралась еще южнее, в Бэйсуотер, пригород столицы. Дом на Порчестер-террас находился в отдалении от Печи или Большого Жирови-

ка, как называли Лондон, но не был совершенно отрезан от оживленной жизни большого мира. Коллинз запомнил демонстрации 1832 года в связи с великим Биллем о реформе⁶. «Мой бедный отец, – писал он, – получил известие, что окна в доме разобьют, если он не обеспечит их освещение», то есть от него требовали поставить лампу или свечу в каждое окно, это служило бы знаком, что домовладелец или жители дома поддерживают выступление протестующих. Мальчики «обезумели от восторга», они смотрели на демонстрантов, «шедших по шестеро в ряд (в те дни люди были настроены серьезно), с запасом камней». Отец писателя был убежденным тори и не одобрял все эти шествия. Возможно, те впечатления стали источником вдохновения при описании застолья в «Лунном камне», когда один из собравшихся, «разгорячившись во время подачи сыра и салата по поводу демократии в Англии, разразился следующими словами: “Если мы однажды потеряем свои древние права, то с чем, потрудитесь ответить, мы останемся?..”».

Но у художника Уильяма Коллинза были в те дни не только политические, но и более личные причины для беспокойства. Летом 1833 года он писал жене из загородного дома одного из своих с трудом обретенных покровителей: «Мои нер-

⁶ Билль о реформе – документ о парламентской реформе, благодаря которому к власти наряду со старой земельной аристократией пришла новая промышленная буржуазия, и этого удалось добиться без революционных потрясений; однако многие были недовольны половинчатым характером закона, оставившим вдали от власти остальные слои населения.

вы укрепились, боль в лице быстро слабеет». В дневнике он признается: «По временам ум мой туманится и тело слабеет». В этом соблазнительно увидеть некую наследственную черту. Его дети, и Уилки, и Чарльз Коллинзы, страдали от «нервов», а Уилки в особенности был подвержен болям в области лица и глаз. Миссис Коллинз также лечила «нервы» в Брайтоне. То была эпоха тревожности, и позднее в одном из романов Коллинз описывал «дни злостного нервного истощения и исподволь распространяющейся нервной болезни». Вовсе не такие уж неистовые и уверенные в себе повелители империи, викторианцы постоянно страдали от нервного расстройства, считавшегося следствием того, что сами они называли «битвой жизни».

В начале 1835 года одиннадцатилетнего Уилки Коллинза записали в Академию Мейда-Хилл, дневную школу рядом с Эджвер-роуд. Он оказался образцовым учеником, судя по тому, что в конце первого года обучения получил первый приз в классе – двухтомник «Эссе» Саути⁷. Эта книга оставалась в его библиотеке до конца жизни. Однако в школьной среде не всегда приветствуют подобные успехи. В одном из воспоминаний Уилки писал, что «ленивые мальчишки считали его предателем, усердные – соперником, а прежний победитель устроил ему настоящую взбучку». В общем, школу Уилки Коллинз не любил.

В это же время он открыл для себя радости приватно-

⁷ Роберт Саути (1744–1843) – английский поэт-романтик.

го чтения. Он увлекся маминой коллекцией готических романов, обнаружил такие столпы детского просвещения, как «Арабские ночи»⁸, «Робин Гуд» и «Дон Кихот». Он боготворил Вальтера Скотта и восхищался Байроном. Весьма логично предположить, что он предпочитал «легкое» чтение, по крайней мере, он не был зубрилой или интеллектуалом, отдавая симпатии приключениям, а не анализу.

Во время своих частых отъездов Уильям Коллинз пытался заочно руководить моральным воспитанием сыновей. «Скажи дорогим детям, – писал он жене, – что единственный способ, каким они могут услужить родителям, является послушание им во всем: пусть Чарли найдет в Писании отрывки, в которых особенно строго указано на этот долг, и пусть выпишет их для меня». Он настаивал на том, чтобы мальчики «продолжали молиться Богу, обращаясь к Нему через Иисуса Христа, чтобы посредством Духа Святого стать благословением для своих родителей».

Подобные моральные наставления, вероятно, не много значили для юного Уилки Коллинза. Позднее он высмеивал благочестие. В романе «Игра в прятки» отец шестилетнего мальчика говорит: «Ты продолжаешь запихивать ему в глотку церковь, а он продолжает давиться ею, как огромным куском, который невозможно переварить... Разве таким способом можно расположить его к религиозному обучению?»

И все же чувство религиозного долга, свойственное их

⁸ Английское название перевода «1001 ночи».

отцу, не препятствовало активной общественной жизни семьи, глава которой не препятствовал светским удовольствиям. Естественно, глава семьи был знаком со многими выдающимися художниками своего времени, его круг общения включал и наиболее интересных поэтов. Например, Сэмюэл Тейлор Кольридж, судя по всему, был дружен с миссис Коллинз. Однажды Уилки поделился с другом воспоминанием о том, как великий поэт разрыдался, рассказывая его матери о своем пристрастии к опиуму. «Не плачьте, мистер Кольридж, – вспоминает Уилки совет матери поэту, – если опиум и вправду приносит вам хоть какую-то пользу и он вам необходим, почему бы вам не пойти и не принять его?» Поскольку сам Уилки ко времени этого рассказа пристрастился к лаудануму, его детское воспоминание можно истолковать как самооправдание.

В детстве Уилки, по его собственным словам, пострадал от несчастной первой любви. Речь шла о жене одного из соседей, которая была в три раза старше романтического мальчика. Он был так одержим ею, что возненавидел ее мужа и убежал каждый раз, когда тот пытался заговорить с ним. Конечно, Уилки не мог позволить себе «вольности» с дамой, так что страдал молча. На протяжении всей жизни заметна его увлеченность женщинами, порой кажется, что он был влюблен в половину знакомых особ женского пола. Он нуждался в женском обществе, в его жизни были одновременно две постоянные женщины, но он явно интересовался и другими

особами. Позднее он рассказывал друзьям по секрету, что его «сексуальное посвящение состоялось под иностранными небесами».

3

Паломничество

В девять часов утра, в понедельник, 19 сентября 1836 года, семья Коллинз наняла экипаж до Пиккадилли, откуда diligansom отправилась в Дувр. Они направлялись в Италию. Путешествие обсуждали долго. Сэр Дэвид Уилки уверял Уильяма Коллинза, что изучение итальянских мастеров станет бесценным подспорьем для его искусства. Коллинз колебался, не желая прерывать обучение сыновей в слишком раннем возрасте, но сэр Дэвид Уилки и другие друзья уверяли, что мальчики получат больше от итальянского путешествия, чем от сидения за школьными учебниками. Так и оказалось. Двадцать пять лет спустя Уилки Коллинз признал, что научился в Италии большему, «полезному для меня, среди картин, пейзажей и людей, чем когда-либо узнал в школе». Италия для замкнутых, постоянно утомленных и тревожных викторианцев была мечтой. Там виделись им чувства и свобода, яркие цвета и солнечный свет, Италия воплощала душу и дух, а не деньги и материализм.

Семья Коллинз села на пароход в Дувре и направилась в Булонь, четыре дня спустя она прибыла в Париж. Родители не интересовались городом, им не нравились его запахи, и, по словам миссис Коллинз, «там не было магазинов, сопоста-

вимых с Риджент-стрит». Уилки в город влюбился. Позднее Париж стал для него желанной целью, он восхищался красотой бульваров, оживленностью горожан. Миссис Коллинз не нравилась парижская еда: «Баранина жесткая, но всё простое неплохо приготовлено», – писала она, не оценив французские деликатесы. Ее сын, напротив, стал настоящим гурманом.

Семья медленно следовала на юг, к Средиземному морю. В Мартиге, под Арлем, была «единственная маленькая гостиница, хозяин которой никогда прежде не видел англичан. Этот странный тип имел привычку садиться за ужин вместе с постояльцами и носил кепку с поучительной независимостью», – шутивная зарисовка Уилки в воспоминаниях об отце сохраняет непринужденный дух семейного путешествия. Они доехали до Марселя, который, опять же по словам миссис Коллинз, «пах самым отвратительным образом». Вскоре пришло время перебраться в Канны и Ниццу, где они задержались на шесть недель.

Италия манила, от нее отделяла теперь лишь одна граница. В середине декабря они наняли экипаж до Генуи, по пути Уильям Коллинз высовывался из окошка и делал наброски «бурных потоков – могучих ущелий – гор, окутанных облаками», пока они следовали вдоль Корниш⁹. Отец уверял, что эти пейзажи «почти свели его с ума...». Затем пароходом

⁹ Так называется несколько дорог Франции и Италии, проходящих вдоль побережья.

добрались до Ливорно, откуда направились во Флоренцию. Путешествие через Сиену и Апеннины привело их в Рим, где Уильям Коллинз заявил, что достиг «священной цели своего паломничества». Там семья оставалась до весны. Коллинзы нашли жилье на Виа Феличе. В стене дома, где они поселились, в нише стояла фигура Мадонны – прямо над прилавками с капустой и грудями мусора. Уильям Коллинз в арендованной студии взялся за серьезную живопись, в то время как даже из окна квартиры можно было наслаждаться видом римлян, «предающихся беззаботному отдыху, двигавшихся и сидевших с неосознанной грацией, с естественным изяществом линий и инстинктивным умением создавать удачную композицию». Уилки охотно усваивал итальянские уроки.

Семья осматривала буквально всё что можно. Они посетили Ватикан и Сикстинскую капеллу, сходили на скачки, восхищались Колизеем – «вдвойне загадочным и величественным в сумерках, при угасающем свете», посещали оперу и балет, наблюдали за церемониями Святой недели, и оба мальчика торопливо сновали по собору Святого Петра, чтобы увидеть ритуал омовения ног паломников. Они прогуливались по холму Пинчо, который впоследствии стал местом действия первого опубликованного романа Коллинза «Антонина». Уилки писал: «Кто после усердного осмотра чудес этого темного, меланхоличного города не чувствовал себя обновленным благодаря его тенистым аллеям и свежему, благоухающему воздуху?»

Он вспоминал и о «великолепных римлянках... сплетничающих и нянчащих детей» прямо на улицах. Одна женщина особенно привлекла его внимание. Чарлз Диккенс рассказывает эту историю в письме свояченице. Он говорит, что Коллинз «как-то раз в экипаже... представил нам полный отчет о своем первом любовном походе. Кажется, дело было в Риме и роман достиг, так сказать, предельного развития – он [Уилки] явился отсюда истинным языческим Юпитером». Вероятно, Уилки преувеличивал в пылу мужской бравады, но вполне возможно, что тринадцатилетний мальчик мог соблазнить или мог быть соблазненным женщиной постарше.

На самом деле есть основания считать, что Уилки был сладострастен или, по крайней мере, что его сексуальные аппетиты пробудились весьма рано. «Думаю, вид сзади на прекрасно сформированное женское тело – наилучший, – писал он и в возрасте шестидесяти трех лет, – и бедра составляют самую драгоценную часть этого вида». Он с наслаждением описывает женских персонажей; так, у одной из его героинь фигура «стройная, но уже хорошо развившаяся в своей стройности, в изящной гибкости». Когда американский фотограф Сарони прислал ему подборку обнаженной женской натуры, Коллинз внимательно изучал снимки и особенно восхищался «Венерой», вступающей в купальню, эту фотографию он вставил в рамку и поместил у себя на рабочем столе. В романе «Антонина» богатый римлянин Ветранио

просит работоторговца прислать ему самых красивых женщин империи, чтобы они предстали перед ним «во всех оттенках цвета кожи, во всем своеобразии форм». Нетрудно усмотреть в этом пристрастия самого автора и его склонность к вожделению.

Он признавался Сарони, что его идеал – Венера Каллипига, статуя, которую он мог увидеть в Национальном музее Неаполя на следующем этапе итальянского вояжа. Вид на нее сзади представляет весьма объемные ягодичцы, и Коллинз говорил фотографу: «Моя жизнь прошла в поисках живой женщины, подобной ей, – и мне так и не удалось преуспеть в этом». Можно полагать, что он всегда пребывал в стремлении к идеальному образу. Вероятно, поэтому в его сочинениях женщины редко описаны с такой же подробностью, как мужчины, он скорее идеализирует женщин, чем изображает их, в то время как мужчин он описывает с поразительной точностью деталей. Не исключено, что именно увлечение женщинами, их телесностью побуждало его к сдержанности и лаконизму описаний.

В начале мая семья Коллинз выехала из Рима в Неаполь. В течение трех недель Уильям Коллинз делал зарисовки залива и береговых пейзажей, рыбаков и их лодок, он также нашел для себя свежий материал в «огромной армии нищих обоего пола, которые ели, пили и спали прямо на улицах». Он уже наметил обширные проекты и строил планы, когда семья заметила «странного вида желтые паланкины с зашто-

ренными окнами», которые следовали по улицам, их пассажиры были поражены холерой. Нависла угроза оказаться в карантине.

Так что Коллинзы поспешили перебраться в Сорренто, по другую сторону залива. Этот город должен был стать идеальным убежищем, но жара южноитальянского лета оказала на англичан слишком сильное влияние. В своем дневнике миссис Коллинз признается, что «совершенно раздавлена», а затем отмечает: «Уилли целый день ужасно докучлив. Отец вынужден был наказать его за обедом. В этом климате мы все становимся невыносимыми». В какой-то момент Уилки запер мать на крыше, неясно – было это случайностью или намеренным жестом, своего рода демонстрацией протеста. Старший Коллинз заболел ревматизмом и воспалением глаз, на те же симптомы будет со временем жаловаться и его сын. Камфора и касторка не облегчили страданий, и местные доктора рекомендовали пациенту серные бани Искьи.

В итоге семья подняла паруса и отправилась на этот островок. Там Уильям Коллинз успешно восстанавливал силы, но настроение его старшего сына заметно испортилось. «Уилли снова в опале». Когда они вернулись в Неаполь после окончания эпидемии, младший мальчик, Чарльз, сломал руку. Стало ясно, что итальянское приключение подходит к завершению. В начале февраля они покинули Неаполь и вернулись в Рим. Оттуда неспешно двинулись домой через Венецию, Болонью, Парму, Верону и Падую. Финальный этап пу-

тешества привел их из Роны в Кёльн и Роттердам. Они оказались в Лондоне 15 августа 1838 года, после двух лет странствий.

Нет сомнений, что молодой Уилки Коллинз сильно изменился благодаря этому опыту. Его спонтанное практическое образование оказалось успешным, и, как большинство юношей своего круга, он провел много времени в обществе, совершенно не похожем на средний класс Англии. Он научился читать по-французски и свободно болтать по-итальянски. Вероятно, ему повезло приобрести первый сексуальный опыт. Он чувствовал себя обновленным, совсем другим человеком.

И вот после этого блестящего опыта он снова вынужден был томиться в компании лондонских школьников. По возвращении семья обосновалась в знакомом ему районе Риджентс-парк, в доме 20 по Авеню-роуд, и вскоре Уилки отправили в школу-пансион в северной части Хайбери. Академия Генри Коула выходила фасадом на Хайбери-филдс. Это не была частная школа высокого уровня, но все же считалась вполне солидным и относительно недорогим учебным заведением – пребывание там Уилки обходилось всего в девяносто фунтов в год. Директор школы, преподобный Коул, одновременно служил священником в капелле Провидения в районе Айлингтон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.